

ДЖОАНН
ХАРРИС

КАРМАН
ВОРОН

Джоанн Харрис
Карман ворон
Серия «Young Adult. Графические
романы Джоанн Харрис»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68012993*

Карман ворон: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-174024-5

Аннотация

В жизни все идет своим чередом. За зимой приходит весна, за тьмой – свет. Нынче Майский канун и второе за месяц полнолуние. Пора ведьмам отправляться в путь.

У нее нет имени. Сегодня она лисица. Она может принимать обличье совы, зайца, форели или выдры. Люди убили бы ее, если могли.

Но в эту особенную ночь все изменится. Она повстречает в лесу прекрасного юношу и предстанет перед ним в своем настоящем обличье, совершенно не подозревая, к чему это ее приведет.

«Карман ворон» – красивая история о любви, потере и мести. Потрясающая и оригинальная современная сказка от Джоанн Харрис, автора знаменитого романа «Шоколад», который получил экранизацию с Жюльетт Бинош и Джонни Деппом

в главных ролях. Сегодня книги Харрис любимы миллионами читателей во всем мире. Ее проза поэтична, а сюжеты необычны.

Издание содержит шикарные иллюстрации английской художницы Бонни Хелен Хокинс, которая известна своими традиционными пейзажами и графическими рисунками.

Содержание

Майский канун[1]	6
1	7
Май	15
1	17
2	23
3	26
4	28
5	30
Июнь	33
1	35
2	38
3	40
4	46
5	49
Июль	53
1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джоанн Харрис

Карман ворон

Joanne M. Harris

A Pocketful of Crows

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Frogspawn LTD, 2017

Illustrations © Bonnie Helen Hawkins, 2018

© Н. Павлива, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Майский канун¹

*Как кора, моя кожа темна,
И черны, как терновник, глаза,
Я, как ветер, легка и быстра,
И, как лань, я пуглива, дика².*

«Баллады Чайлда»³, баллада 295

---

¹ Праздник весны. Отмечается в ночь с 30 апреля на 1 мая. Считается ночью ведьм.

² Здесь и далее стихи в переводе О. В. Павливой и Н. В. Павливой.

³ Собрание из 305 традиционных баллад Англии и Шотландии, составленное Фрэнсисом Джеймсом Чайлдом в конце XIX в.

В году все идет своим чередом. За зимой приходит весна, за тьмой – свет. Точно дерево на токарном станке, вращается мир, и на нем вытачиваются сезоны и месяцы. Нынче Майский канун и второе за месяц полнолуние. Нынче день весны и Голубая луна⁴. Пора ведьмам отправляться в путь.

Сегодня я лисица. Могла бы быть жаворонком, совой, зайцем, волком или выдрой – странствующий народ способен принять любое обличье. Но сегодня – в эту особенную ночь взметающихся до небес костров и полетов ведьм – я лисица.

Я оставляю одежду у костра: юбку из перьев, плащ из волчьей шкуры, ожерелья из полированных камней. Обнаженная, кружусь в свете костра и луны – огненно-золотая, молочно-серебряная. Теперь мне слышны звуки ночи: какой-то зверь лакает воду из ручья, мышь пищит в высокой траве, совы перекликаются в ветвях деревьев, тик-такает жук-точильник в лежащем бревне. Доносится дурманящий запах сирени. Я устремляю взгляд вдаль – лисица совсем рядом, дремлет в теплой норе. Почувяв меня, наостряет уши. К ней прижимаются три пухленьких сытых детеныша, напоенных теплым молоком. Лисица тревожится оттого, что я, незнакомка, так близко.

---

⁴ Голубая луна – событие, когда за один месяц происходит два полнолуния. Голубая луна и есть вторая полная луна месяца.

Я пробуждаю в ней настойчивое желание пробежаться под звездами. Она вскидывает морду и скалится, настороженная, но в то же время заинтересованная. Я навеваю на нее ощущение прохлады ночного воздуха, мшистой земли под подушечками лап, чувство голода в животе. Дрожа, отворачиваясь от костра и направляюсь в лес. Земля под босыми стопами мягка, влажна и холодна. Она пахнет дождем и пролесками. Свет луны, струящийся сквозь ветви деревьев, расцвечивает мою смуглую кожу серебряными полосками. Лисица – огненно-рыжая, как угольки под дымком, с белой шеей и грудью – пристраивается рядом.

Ароматы леса становятся ярче, насыщеннее, паутиной сияющих нитей они расходятся во всех направлениях. У лисицы густой теплый мех, и я уже не дрожу. Некоторое время бегу рядом с ней, ощущая ее силу и упоение охотой, проходящей под Голубой луной, с витающим в воздухе обещанием крови и близкого лета. Еще один миг, и мы с ней – единое целое.

Дикие звери по-иному чувствуют голод. Мой голод тих, как зима, и умерен, как старость. У лисицы же он алчный и бурный. Гонимая им, она вынюхивает в дерне лягушек и щелкает зубами, пытаясь поймать в мерцающем воздухе мотыльков. Мы достигаем реки – тут полевки и крысы, но они слишком мелки. Я бегу вдоль реки до поляны, а оттуда – до окраины деревни, где так сильно пахнет добычей. Иду по следу курицы-пеструшки до деревянного курятника и безжалостно оставляю от птицы только перья да пух.

Окольцованная серебром луна – знамение. Воздух полетному сладок. Желудок полон. С окровавленной пастью неспешно прогуливаюсь в луговом тумане вдоль зарослей боярышника на границе деревни. Почувствовав дымок, отпускаю лисицу, давая ей возможность уйти к детенышам. Обнаженная, уже в своем теле, ложусь в осоку. Слушаю звуки ночи, яснее других различаю переключку сов и любуюсь долгим и медленным танцем звезд.

Сегодняшняя ночь знаменует приход лета. Я видела уже четырнадцать летних сезонов.

Темноту озаряют костры и свет разожженных домашних очагов. Цветет боярышник. На его ветвях развешаны любовные амулеты. В круге камней, опоясывающих волшебное майское дерево, танцуют деревенские девушки с горячими сердцами. Они нежны, мягки и белокожи. Их смех подобен гомону прирученных гусей: с подрезанными крыльями, откормленных, упитанных, послушных. Селянки точно свежесыпанный хлеб. У них цветущий вид и шелковистая кожа. Их заплетенные в косы волосы сияют, как закатное солнце.

Я не такая. Я смуглокожа, дика и быстра. Охочусь с совами, танцую с зайцами и плаваю с форелью и выдрой. В деревни я заглядываю только в обличье крысы или лисицы. Для моего народа деревни опасны. Люди убили бы нас, если могли бы. Но сегодняшняя ночь повлияла на меня. После охоты еще поет кровь, и я не спешу уйти от боярышника, где лежу, дыша ароматом свежей травы и слушая доносящиеся с поляны голоса.

На стелющейся вдоль боярышника тропинке раздаются шаги. Девушка с волосами цвета примулы останавливается возле волшебного дерева. Так это дерево называют люди, хотя о волшебстве они не знают ровным счетом ничего. Но амулеты – кроличью лапку или имя, вышитое на кусочке красной ткани, – могут использовать даже селянки. Любовный талисман, оставленный в Майский канун под Голубой луной на волшебном дереве, даже деревенской девушке способен подарить волнующее чувство приближения лета.

Волшебным деревом выбран боярышник. С переплетенными и скрученными ветвями, дряхлый, как сама старость, обглоданный омелой, обложенный кругом из камней, который люди называют волшебным кольцом. Каждый раз я говорю себе: может, в этом году он умрет. Однако каждый год на искривленных и изломанных ветвях вновь набухают бледные почки. Волшебное дерево не сдается. Оно цветет не больше недели. Но каждый год этот боярышник оживает и плодоносит горстью алых ягод.

Девушка принесла амулет, как и другие селянки. Любовный амулет или заговор на красоту. Я наблюдаю из-за боярышника, как она привязывает его к ветви. В лунном свете поблескивают волшебные камни.

Сегодня ей, беспокойно спящей в девичьей постели, приснится юноша. Возможно, потом она долго будет смотреть в окно на яркую майскую луну. А завтра или послезавтра приснившийся юноша наконец увидит ее – девушку, которую встречал много раз, но никогда не замечал, – и удивится, как раньше был слеп.

После ее ухода я снимаю амулет. Девушка подумает, что его забрали феи. Это лоскуток ткани кровавого цвета – видимо, оторванный от нижней юбки, – продетый в отполированный ведьмин камень⁵. Когда-то у меня был такой талисман, но я давно его потеряла. Где девушка нашла свой?

---

⁵ Камень с природным отверстием. Его еще называют: «куриный бог», «собачье счастье», «счастливый камень».

Сколько времени потратила на вышивание при свете свечи? Какое имя произнесла, завязывая нить узелком?

Я рассматриваю крохотные стежки. Пять вышитых шелковой нитью малюсеньких буковок. Читать я не умею – меня некому было учить. Но я знаю буквы – волшебные значки, говорящие со страниц или с могильной плиты. Они обладают силой, но люди ее не понимают. Буквы много значат. Они складываются в слова. А слова – почти во все что угодно: закон, летопись, ложь.

Буквы вышитого имени юноши: У-И-Л-Ь-М. Это имя дала ему мама. Это имя возлюбленная будет в темноте шептать ему на ухо. Это имя выгравировут на могильной плите, под которой он будет лежать.

У меня имени нет. У странствующего народа нет ни имен, ни хозяев. После моей смерти не будет никакой могильной плиты. Никаких возложенных на землю цветов. Умерев, я стану тысячью живых существ – жучков и червячков – и буду странствовать вечно, до Конца Времен. Такова судьба странствующего народа, и иного нам не надо.

Я уношу амулет к себе в лес, в хижину из расколотых бревен, ивовых прутьев и мха, затянутую шкурами и орляком. Костровая яма с железным котелком находится снаружи. Голодная, я поджариваю закрученные рахисы папоротника с кусочком сала и душистыми травами. Над углями костра готовится подвешенная задняя часть тушки кролика.

Я привязываю амулет деревенской девушки над входом в

мою хижину рядом с другими красивыми разноцветными вещами: стеклянной синей бусиной, желтой шерстью, выбеленным черепом сороки. Я собираю цветные предметы и прячу их в лесу.

Яркие вещи у осторожного странствующего народа запрещены. Цвет представляет для нас опасность, с ним мы видны врагу. Представители моего народа прячутся ото всех – даже друг от друга. Мы держимся особняком, никогда не показывая свои цвета.

Селянки носят яркие вещи: ленты на чепчиках, алые фланелевые нижние юбки. Они не боятся, им нравится быть заметными. Но коричневый цвет практичнее. Коричневый безопаснее. В лесу никто не заметит смуглую девушку, перепрыгивающую с ветки на ветку и скрывающуюся в папоротнике. В лесу я – лань, горностай, лисица и соловей. Смугло-коричневая, я живу среди деревьев. Темная, я не отбрасываю тени.

Я незаметна для людей из деревни, поэтому они меня не беспокоят. Лишь их собаки знают о моем пристанище и стараются не приближаться ко мне. «Я как-то уже съела пса и снова съем», – слышат они от меня. Я сижу на волчьей шкуре, одетая в домотканую юбку и кофту из воробьиных перьев, и пытаюсь увидеть в дымке костра, что готовит мне будущее.

Завтра наступит май – месяц цветов, месяц боярышника и пчел. Завтра на деревенской поляне будут веселье и тан-

цы. Девушки украсят родники и колодцы цветами, оставят подношение Джеку-в-зеленом⁶ и назовут одну из красавиц королевой Мая, увенчают ее голову цветочным венком. Но мне до этого нет дела. Мне не нужен венок. У меня есть лесные колокольчики и боярышник на краю деревни. И ни один юноша не пленит мое сердце словами любви и венцами. Ни один юноша не привлечет моего внимания. Когда начнется гон, я стану ланью и выберу самца себе по нраву. А потом убегу без оглядки.

Лисица спит в своей теплой норе в окружении маленьких пушистых детенышей. На холме в лунном свете выплывает заяц-русак. Охотится сипуха. От нее удирает полевка. Я же задерну занавеску из оленьей шкуры и засну на своей узенькой постели из грубой шерсти и папоротника.

---

⁶ Британский лесной дух, хранитель хвойных и лиственных лесов.

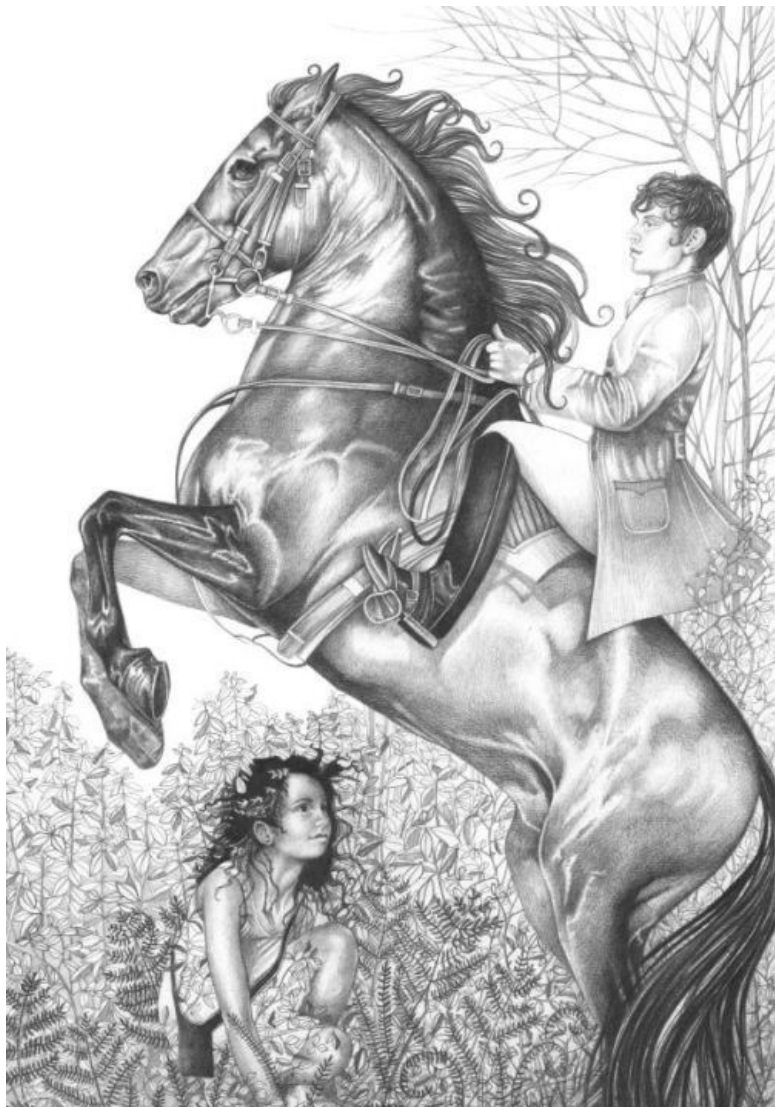
Май

Месяц пчел

*Когда амброзия в мае цветет,
Гуляют ведьмы и молится народ.*

Корнуэльская пословица

Сегодня я буду жаворонком, парящим в синеве небес. Или зайцем пробегусь по склону холма, схоронюсь в тени осоки и пожую первоцвет. Сегодня я сама не своя и не знаю, чего хочу и куда идти. Обгладывая на завтрак косточки под ласковыми лучами утреннего солнца, я жажду податься на просторы холмов.

Однако пищи еще мало, а на странствия нужны силы. После вчерашнего небольшого приключения я слаба, даже несмотря на силу, даримую амулетом селянки. Беру полевую сумку – амулет уже бережно спрятан в карман – и иду на берег реки, к своим ловушкам из ивовых прутьев. Может, в них попалась пара птах или даже кролик.

Сегодня мне везет. Я убираю в сумку четырех пойманных дроздов, несколько луковиц майских цветов и горсть рахисов папоротника – крепко скрученных молодых побегов, которые, как и люди, в начале развития нежны и мягки, но, вырастая, становятся жесткими и горьковатыми. Еды достаточно. Я разворачиваюсь, чтобы вернуться к себе, но тут раздается стук копыт. В четверти мили от меня рысцой скачет подкованный ездовой конь. Я торопливо ухожу с тропинки и прячусь в валежнике. Как только наездник проедет мимо, пойду своей дорогой.

Несколько минут спустя показывается гнедой конь с чер-

ной гривой и всадник в желто-зеленом жакете с цветочным венком на голове. Моя ладонь поспешно тянется за амулетом селянки. Ведьмин камень защищает тех, кто не хочет быть увиденным. Он прохладен и гладок на ощупь. Красный лоскут меж моих пальцев горит язычком пламени.

Обычно я не поднимаю глаз – не желаю быть замеченной. Но сейчас любопытство берет верх. Хочется рассмотреть и коня, и наездника. Я осторожно выглядываю из-за веток поваленных деревьев – всадник как раз проезжает мимо меня. На солнце вспыхивают пуговицы его зеленого жакета.

Он из благородных. Это видно по его сапогам и по тому, как он смотрит вокруг – так, будто владеет этим лесом. У него гладкие блестящие волосы, и шкура его коня тоже лоснится. Зачем я разглядываю его? Может, я под действием амулета, который сжимаю в ладони? Я подношу отполированный камень к глазам и смотрю на всадника сквозь маленькое отверстие. Откуда-то знаю: он обернется. И знаю, что зовут его У-И-Л-Ь-М. Когда всадник оборачивается, я вижу, что он юн и красив.

В это мгновение великолепный гнедой конь спотыкается о камень. Юноша теряет равновесие и вылетает из седла. Конь встает на дыбы, дико вращает глазами и выбивает подковами искры из камней. Он забьет упавшего юношу копытами, а помочь некому. Я выскакиваю из своего укрытия и хватаю коня под уздцы.

Успокаивающие чары – и конь почти сразу усмирен. С

дикими лошадьми такое не проходит. Они избегают наших прикосновений. Этот же конь объезжен. Нервничает, но приучен к узде. Я поворачиваюсь к его хозяину, лежащему на тропинке. Юноша еще слегка оглушен падением, но теперь вне опасности. Он лишь чуть постарше меня. Я привязываю коня к ближайшей ветви и собираюсь скрыться в лесу.

– Подожди!

Поворачиваюсь и встречаюсь с юношей взглядом. Глаза у него голубые, как крыло сойки.

– Кто ты?

Я не отвечаю.

Названное существо – прирученное существо. А мой народ всегда будет свободен и дик. Стоило сразу уйти от этого юноши. Люди зачастую опасны. Но я медлю. Он выглядит таким безобидным – распластавшийся на земле, с заляпанными грязью рукавами дорогого зеленого жакета и поцарапанной об куст ежевики щекой. И он видит меня – действительно видит. В его глазах блестит мое крошечное отражение. Наверное, поэтому мне хочется остаться, хочется слышать звук его голоса и видеть саму себя в его голубых глазах. Как правило, меня никто не видит. Даже когда я показываюсь, по-настоящему меня все равно никто и никогда не видит.

– Кто ты? – повторяет юноша. Его голос мягок, он подобен бархатной шкуре лани.

Я качаю головой.

– Не бойся. Кто ты? Где твоя родня?

Моя родня – это волки, зайцы и дикие пчелы. Это березы, косули и выдры. Это мой народ, путешествующий в дымке костров и странствующий вместе с лисицами, волками, барсуками и куницами. И я не боюсь.

Вздернув подбородок, отвечаю:

– В лесу.

– Тогда ты, должно быть, королева Мая. – Юноша встает и поднимает с земли слетевший с его головы праздничный майский венок, сплетенный из диких роз и листьев земляники. Он нежно опускает его на мои волосы. – У тебя есть имя?

Конечно же нет. Имена – для ручных существ. Имена – для тех, кто боится той свободы, которой обладаем мы.

Мысли возвращаются к амулету деревенской девушки, и я говорю:

– Я знаю твое имя. У-И-Л-Ь-М.

Юноша улыбается. Почему он не удивлен тем, что мне известно его имя? А, наверное, *все* селянки знают его имя. Знают его самого, видят сны о нем и выдыхают в подушку его имя. Он удивился бы, если оно не было бы мне известно.

На мгновение от его самоуверенности я теряю дар речи. Однако даже она не лишена толики очарования. Юноша напоминает мне молодого оленя, хвастающего своей первой парой рогов. Он столь же неловок, игрив и самодоволен. Есть в нем то, чем он отличается от своего народа, – некая дикость.

– Уиль-я-м, – пишет он на земле.

У-И-Л-Ь-Я-М. Еще одна буква! Видно, деревенская девушка написала его имя неверно.

– Уиль-я-м. – Его имя звучит так же нежно, как журчание родника.

Он вновь улыбается.

Я редко улыбаюсь. Просто некому. Теперь понятно, зачем я прошлым вечером сняла с волшебного дерева амулет. Понятно и мое беспокойство, и какое-то тянущее чувство. В моей жизни чего-то не хватало, а я этого даже не подозревала. Теперь же, прямо сейчас, я осознала, что именно так

тянуло меня сюда и звало.

У-И-Л-Ь-М.

У-И-Л-Ь-Я-М.

Всего одна буква. Один росчерк. Тем не менее я ощущаю его. Внутри имени была пустота, похожая на отверстие в ведьмином камне. И эта пустота жаждала быть заполненной. Заполненной тем, что потеряно. И, глядя на начертанное на земле едва различимое имя, я в глубине души понимаю: потеряна была *Я*.

Сегодня я треплемый ветром боярышник, колеблющийся и дрожащий. Я спала, прижав к себе цветочный венок, и утром тот все еще зелен, хотя розы увяли и поблекли, поэтому я становлюсь птицей – коноплянкой, коричневой и неугомонной. Я пою и летаю, летаю и пою, но даже это не отвлекает меня. Из головы не идет встреченный юноша. Я с легкостью забывала ручных молодых мужчин из деревни, а его забыть не могу.

Это болезнь? Почему свобода не приносит удовольствия? Солнечно, воздух свеж, небо сияет голубизной, ветер полнится обещаниями. Так почему же я сама не своя и не нахожу себе места? Почему больше не чувствую себя цельной? Почему сердце ноет, а я томлюсь, ярюсь и терзаюсь вопросами?

Я сбежала, когда юноша снова спросил мое имя. Он пытался последовать за мной, но в подлеске был слишком медлителен и неуклюж. Я пронеслась сквозь заросли и колючие кусты, следуя тайными тропками, известными лишь ланям и лисам, а потом пересекла реку на мелководье. Но У-И-Л-Ь-Я-М непостижимым образом остался со мной. Его имя слышалось мне в песне коноплянки и в дуновении ветра. Весь день с высоты небес я высматривала его коня и его зеленый жакет, чутко прислушивалась, надеясь уловить его голос. Не

увидев и не услышав его, я наконец вернулась в свою хижину. Попробовала поесть – и не смогла; попробовала поспать – и не смогла; попробовала забыть его – и не смогла. Вместо этого мне вспомнилась песня людей, которую иногда поют юные девушки:

Взял я за руку, как лилия, белоснежную
Девуцу-красавицу, чистую, нежную.
На зеленом да на мшистом берегу реки
Целовал уста, что, как мед, сладки.

А с наступленьем чуткого рассвета
Венком цветочным с ароматом лета
Под звон колоколов ее короновал
И королевой Мая дивною назвал.

Что это за колдовство такое? Что за хвороба? Я пытаюсь очиститься полынью и валерианой. Я не селянка, чтобы вздыхать по колокольному звону и пению птиц. Я не человеческая девушка, чтобы мечтать о свадьбах и венках. Не следовало мне снимать с боярышника амулет деревенской девицы. Боярышник мстителен, коварен и стар – обкрадывать его было ошибкой. Я вытягиваю из сердцевины ведьмино камня алый лоскут и кидаю его в огонь костровой ямы. Сам камень бросаю в ручей, тот донесет его до моря. Боярышник со временем позабудет о случившемся, и все вернется на круги своя. Однако, несмотря на избавление от амулета,

Уильям остается занозой в моем сердце. Когда я все-таки засыпаю, мне снится летняя ночь с ним. Теплый и нежный, он на вкус как земляника и кровь.

Сегодня я пятнистая лягушка в озерных камышах. Озеро глубоко, темно, как трясина, и холодно из-за горных вод: в него впадает с десятков ручьев и водопадов. На возвышающихся над водой островках живут выдры. Сегодня идет дождь. Теплые капли мягко ложатся на землю, точно стежки на нежнейший шелк. А моей душе ничего не приносит радость: ни озеро, ни лес, ни дождь, ни небо – мой возлюбленный далеко, и без него все безрадостно.

Его зовут Уильям Мак-Кормак. Мне поведала об этом белоголовая ворона, которой поведала об этом черная овца, которой поведала об этом полосатая кошка, живущая в замке, окруженном сухим рвом. Замок принадлежит пожилому богачу сэру Джеймсу Мак-Кормаку. Он – лэрд⁷ этого участка земли, и Уильям – его единственный сын.

У странствующего народа нет ни замков, ни состояния. Мы не владеем ни землями, ни территориями. У нас есть горы, моря, озера, болота и реки. Они – наше наследие. Но Уильям однажды унаследует все то, чем владеет его отец: замок, земельные угодья, золото, отару овец и амбары с зерном. Все ручные существа, которыми владеет его отец, тоже перейдут ему в услужение. По меркам моего народа Уильям будет богатым человеком. А расположения богатых людей,

---

⁷ Землевладелец, лорд.

куда бы они ни пошли, всегда ищут и аристократки, и деревенские девушки, и простолюдинки, и куртизанки. Однажды Уильям влюбится и женится на полюбившейся девушке. Их имена громко произнесут в церкви, где они обвенчаются. На ней будет муслиновая фата, а на нем – венец. Надетое на ее палец золотое кольцо свяжет их навечно. И он уже никогда не будет моим и не посмотрит на меня с любовью. Кто ж полюбит смуглянку, которая не остается надолго в своем теле?

Зря я выбросила ведьмин камень. Такие камни – мощные амулеты. Посмотрев при свете сальной свечи в отверстие в его сердцевине, можно увидеть далекое море и, возможно, даже посмотреть сквозь замковые стены. Если бы я сохранила амулет, то полюбовалась бы на Уильяма, пока он спит. Я не сводила бы с него глаз, где бы он ни был и куда бы ни пошел, пока в конце концов не устала бы от этой игры. Но амулет утерян, а его чары сильны и не отпускают меня. Мне остается лишь надеяться, что я позабуду красивого юношу в зеленом жакете, который короновал меня венком из диких роз...

Сегодня я соловей у окна твоей спальни. Мое пение слаще меда, и все же ты меня не слышишь. Ты сидишь в покоях и читаешь книгу в переплете из красной кожи. Иногда ты вздыхаешь и устремляешь взгляд в окно, но не видишь меня и не знаешь, как жадно я смотрю на тебя с каменного подоконника.

У твоей постели лежит веточка боярышника. *«Несчастья грозят тому, кто спит возле цветущей ветви боярышника»*. Вечером я проберусь в замок мышью, крысой или домашней кошкой, унесу приносящую неудачи ветку из твоей спальни, а вместо нее положу дикую розу – похожую на те, что ты оставил в моих волосах. Розовую розу, свежую от росы и нежную, как утренний свет. Тогда, возможно, ты подумаешь обо мне. А я-то уж точно не перестану думать о тебе.

Кошка мяукает во тьме. В другое время я никогда не выбрала бы ее. Домашние кошки в лучшем случае полудики: подлизываются и урчат, выпрашивая ласку или лакомства. Однако никого не удивит бродящая по замку кошка, никто ее не прогонит. Отчего ты так вздыхаешь, милый Уильям? Отчего так тревожен? Я скребусь в твою дверь, и ты меня выпускаешь. Я выгибаюсь и урчу от твоих поглаживаний.

– Киса, киса, – говоришь ты.

Почти имя. Как странно быть названной. Странно и ужас-

но. Ни один человек не даст мне имени – ни в облике кошки, ни в моем собственном. А Уильяма тянет к диким существам, иначе он никогда на меня не взглянул бы.

– Киса, киса.

Я запрыгиваю на шелковое покрывало. Твоя постель, размером с мою хижину, со всех сторон занавешена тяжелой парчой. Мои когти погружаются в золото и шелк. В очаге разожжен огонь, и по моей подсвеченной шерсти словно пляшут светлячки.

Тебе одиноко, Уильям? Позволь мне спать рядом с тобой. Сегодня я твоя спутница. Я буду охранять твой сон. Ни одна мышь и ни одна крыса не посмеет даже край усика сунуть в твои покои. Я буду лежать на твоей подушке и урчать, пока ты не станешь моим навсегда.

Так вот каково это – быть названным существом, быть прирученным существом, питомцем. Конечно же, это глупо и абсурдно. И все же как приятно находиться рядом с тобой, ощущать твои нежные поглаживания. Сегодня мне приятно быть ручной. К тому же, кроме меня, об этом никто не узнает. Я засыпаю, и рядом с тобой мне снится то, чего я ранее не знала и не хотела. Перед рассветом я возвращаюсь в свое тело – опасно слишком долго находиться в чужом, поскольку потом можно не найти себя. В своем теле я лежу на папоротниковой постели, думаю об Уильяме, улыбаюсь и смотрю на луну, убывающую на гобелене небес.

Сегодня я коричневая горная коза на скалистом склоне. Внизу, в деревне, вижу пастуха с его стадом и фермера с лошады, запряженной в плуг. У церкви празднуют свадьбу. *«Майское замужество – маета в супружестве»*. Тем не менее невеста в фате, похожей на защитную сетку пасечника, выглядит довольно счастливой. Жених и невеста создают собственный улей, и у них будет свой мед.

На этой неделе я все ночи провожу у постели Уильяма. Не охочусь с совой и не бегаю с лисицей, а ручной кошкой довольно урчу, любуясь Уильямом, когда он спит, или сижу на его коленях, когда он читает, и принимаю лакомства из его рук. Теперь я знаю, что поселившееся в моем сердце чувство – это не проклятье, не заклятие и не иллюзия. Оно столь же реально, как звездное небо, как горячая кровь крысы, пойманной мною прошлым вечером в замковой кухне. Это чувство – такое сильное и такое сладостное – реально и в то же время призрачно и незримо. Меня предупреждали о нем, но оно не кажется мне опасным. К тому же мой Уильям совершенно не похож на других человеческих мужчин. Он добрый, хороший, чувственный и заботливый. Ему не место за каменными стенами и бойницами. Уильям одинок, дик и страстно желает о ком-то заботиться.

Пока я поедаю вереск, пустельга взывает ко мне с высоты:

– Держись от него подальше! Держись от него подальше!

Она предупреждает меня об опасности. Странствующий народ быстро прознает о любом нарушении наших законов. Мое нарушение пока еще не является преступлением, но вызывает беспокойство.

– Держись от него подальше, – кричит пустельга. – Держись подальше от Уильяма Мак-Кормака.

Последние дни я слышала это предупреждение много раз: от овец с полей, от зайца из высокой травы, даже от диких пчел из лесного полога. *«Пчелы, пчелы, умер прежний ваш хозяин. Послужите новому?»*⁸

Я сердито трясу на пустельгу рогами. Мне не нужны ее предупреждения. Я буду ходить в замок столько, сколько пожелаю, и никакой Уильям не поймает меня в свои силки. И я буду всю ночь спать на его подушке кошкой. Не потому, что он мой возлюбленный, а потому, что мне так хочется. Никто не смеет указывать мне, что делать. И, возможно, тепло очага, шелк и золото покрывала, аромат Уильяма, ласка его поглаживающих шерсть пальцев и его бархатный голос...

Высоко в горах предупреждение пустельги издевательски подхватывают вороны:

– Берегись!

Но я уже в пути: сначала бегу лисицей, затем лечу соло-

---

⁸ В XVIII–XIX вв. существовал обычай рассказывать пчелам о важных событиях в жизни их хозяина: рождении детей, свадьбах, отъездах из дома и возвращениях домой, о смерти и похоронах.

вьем, а после урчу кошкой. В ночи ругается сова: «Дура! Прирученная любовью дура!» И мышь, разжиревшая и расхрабрившаяся, кружит в свете гаснущего очага.

Июнь

Месяц роз

*Лето пришло. На опушке
Пой, громко пой, кукушка!
Луг разнотравьем цветет,
Семя тянется ввысь, растет,
Облачается лес листвою.
Громко, кукушка, пой!*

«Песня кукушки», XIII в.

Сегодня я жаворонок – кувыркающийся в облаках, оглашающий горные пики трелями, танцующий с радугой. Кто бы мог подумать, что такова любовь? Почему мне об этом никто не говорил?

Прошлой ночью я снова была полосатой кошкой, как и каждую ночь до этого всю последнюю неделю. Я лежала на подушке Уильяма и урчала, любуясь им, пока он спал. Но я более не чувствовала удовлетворения. Мне хотелось большего. И почему бы нет? Почему я должна отказываться от того, что дано познать любой деревенской девушке? Мой народ обладает разной властью. Почему нам запрещено любить? Такие мысли привели меня к возлюбленному не в облике лисицы или соловья, а в моем собственном – смуглом и обнаженном. Уильям распахнул ресницы и увидел меня. Из его глаз на меня взглянуло теплое солнечное лето.

– Как ты здесь оказалась? – спросил он. – Ты фея? Или все это сон?

Я покачала головой.

– Ты снилась мне с нашей первой встречи. Ты вышла из-за деревьев, как лесная лань. И когда внезапно исчезла, мне показалось, что от желания к тебе я сойду с ума.

– Я никуда не исчезала, – ответила я. – Я была здесь все это время.

Потом я познала близость не как лань, волчица или рысь, а впервые как женщина.

«Значит, вот она какая — любовь», — удивлялась я, когда мы лежали боком, кожа к коже: сочно-смуглая и сливочно-белая. Под ладонями и губами Уильяма я пела, как соловей, парила, как орел, выла, как волк, и кричала, как пума.

— Кто ты? — спросил он, когда мы обессилели. — Хотя бы скажи свое имя, чтобы я мог написать его на своем сердце.

Улыбнувшись, я не ответила.

— Как мне найти тебя? Я умру, если больше не увижусь с тобой.

— Я буду здесь, пока в море есть рыба, в ночи — звезды, в небе — птицы и в людских сердцах — мечты.

— Мне будет недостаточно этого времени, — прошептал Уильям и поцеловал меня.

Я жаворонком взмыла вверх, а спустилась вниз, смеясь и преисполнившись любовью. И поклялась вечно быть только его.

Сегодня я должна собрать хворост и все необходимое. Три дня моя хижина пустовала. Три дня костровая яма была холодна и ивовые ловушки никто не проверял. Этим утром я пришла сюда косулей. В солнечном свете над дверью сияли мои яркие вещи, а усевшаяся рядом белоголовая ворона хрипло прокаркала предупреждение. А еще этим утром ко мне пришел большой черный пес. Он сел возле меня, заглянул в глаза и прорычал: «Возвращайся домой! Возвращайся домой!»

Но Уильям не хочет, чтобы я уходила.

– Мне нет дела до твоей хижины, – говорит он. – Мне нет дела до твоих ивовых ловушек. Мой дом – замок. Ты – его королева. Ты будешь есть жареных цесарок и клубнику из моих теплиц. Будешь пить лучшие вина и наслаждаться вкуснейшей выпечкой.

Я пытаюсь объяснить, что, в отличие от людей, мой народ ведет другую – свободную и дикую – жизнь. Мы стелем себе постель под можжевельником и странствуем в согласии с сезонами. Мы ничем не связаны – ни домом, ни семьей, ни именем. У нас их нет.

– Тогда возьми *мое* имя, – предлагает Уильям. – Мой род знатен и благороден. Я разделю с тобой свое имя, если ты останешься со мной. Мой богатый отец ушел на войну. Ко-

гда он умрет — что, возможно, случится вскоре, — я унаследую его состояние. У тебя будут золото, шелка и меха. Будут лошади и слуги. У тебя будет все что душе угодно, если ты останешься со мной.

Мне не нужны ни шелка, ни меха. Мне не нужны слуги. У меня есть шелк стрекозиных крыльев, белоснежная зимняя шубка зайца. У меня есть золото восходящего солнца и краски северного сияния. Я могу слиться с лошадью и галопом пронестись по заболоченным землям или вместе с дикими гусями полететь на юг, к солнцу...

Но ничего из этого я не могу сказать моему возлюбленному, смотрящему на меня с такой нежностью, поэтому обещаю остаться. Он смеется, снова опускает меня на свое ложе и задергивает вокруг нас парчовые занавески. Мы словно оказываемся в шатре странствующего вождя. Уильям говорит, что я его красивая смугляночка и что он лучше умрет, чем расстанется со мной.

– Ты моя красивая смугляночка, – говорит он.

Меня никто не называл так. Мой народ некрасив – во всяком случае, в том понимании, которое люди вкладывают в слово «красота». Мы не приемлем искусственности. Не пытаемся изменить себя, чтобы стать такими, какими не должны быть.

Выщипанные брови, разглаженные волосы, выбритые ноги – не для нас. Так же, как и ароматические масла, корсеты, прически и зеркала. Не для нас бигуди, румяна и пудра. Но ради Уильяма я попробую. Притворюсь ручной, если это поможет мне остаться с ним. Однако мои волосы – черничный клубок, который не поддается расческе. Мои глаза черны, брови густы, тело крепко и сильно. И Уильяму нравится черный шелк волос на моих ногах и в подмышках. Нравится округлость моих груди и мягкий изгиб широких бедер. Ему не нужно, чтобы я хоть как-то менялась. Вот только здесь, в его замке, чтобы не вышло скандала, его люди должны видеть меня в подходящей одежде, вымытой и благоухающей, умеющей читать письма и укладывающей волосы на манер деревенских девушек, которых я так презираю.

– Когда отец вернется с войны, – говорит Уильям, – я хочу, чтобы он дорожил тобой так же, как я.

– Ты будешь дорожить мной больше, если я буду в бархате,

а не в волчьей шкуре?

– В бархате или волчьей шкуре, в дерюге или шелках – ты всегда будешь моей возлюбленной. Но мои люди должны уважать тебя. Я хочу, чтобы они называли тебя «моя леди». Хочу, чтобы они служили тебе так же, как служат мне. Кроме того, – обнимает он меня, – представь, какой красавицей ты будешь в шелковом платье и атласных туфельках, с жемчугами на шее.

И я согласилась, чтобы порадовать его. В конце концов, в притворстве нет никакого вреда. Странствуя соколом, я тоже заимствую чужое оперение. Так какая разница? Я всегда буду дикой смуглянкой из леса, сбросив с плеч чужую одежду и деля с Уильямом постель.

Уильям нашел мне в деревне служанку. Ее зовут Фиона. Бледно-розовая, красивая, она похожа на цветок примулы, без единого намека на дикость. Она должна прислуживать мне: заниматься моими волосами и одеждой. Я знаю: она ненавидит меня. Порой замечаю, как она смотрит на Уильяма, и почти вижу ее мысли: «Что он нашел в безымянной смуглянке? Чем она приворожила его?» Но Уильям не замечает ее взглядов.

– Фиона – хорошая девушка, – говорит он, – она научит тебя необходимому.

Меня это злит. С чего он решил, что эта девчонка может чему-то меня научить? Фиона умеет ловить лосось голыми руками? Или парить в небесах вместе с жаворонком? А мо-

жет, взбираться по горам до орлиных гнезд? Она умеет наводить чары, что чернее темной ночи, чтобы украсть душу своего врага?

Уильям видит мой взгляд:

– Бедная Фиона. Ты же не завидуешь ей?

Я отворачиваюсь, не сказав ни слова.

– Этой дурочке? Этой бледной мягкотелой простушке? – сам себе вместо меня отвечает Уильям. – Этой вечно вздыхающей, глуповатой и жеманной девице, недостойной целовать мои ноги?

Меня смешит абсурдность его предположений. Дикий народ не завидует ручным существам. Как Уильяму пришло в голову, что у меня могут появиться подобные мысли. Я обнимаю его, смеюсь и говорю, как сильно люблю его.

Теперь Фиона ежедневно и ежечасно находится подле меня. Она будит меня по утрам, приходя с чашечкой горячего шоколада. Наливает воду для купания и ароматизирует ее лавандой и розовым маслом. Она берет книги из замковой библиотеки и помогает мне составлять из букв слова. Приносит одежду и драгоценности, принадлежавшие умершей матери Уильяма.

На мне бархатное багряное платье с нижними юбками из алого шелка. Мои волосы забраны сеточкой из драгоценных камней. Ступни стиснуты туфельками на высоком каблуке. На пальцах – кольца, все руки – в браслетах. В таком виде, по словам Уильяма, я могу жить в замке, не вызывая подо-

зрений. В таком виде, по его словам, я выгляжу как леди, а не как смуглянка из леса.

– Но я и есть смуглянка из леса, – смеюсь я, невзирая на неловкость и беспокойство.

Однако Уильям не смеется вместе со мной. Он смотрит на меня очень серьезно и говорит, что я должна постараться. Слуги – подданные его отца. Именно *он* является лэрдом замка, и ему передают абсолютно все новости. Из-за него я должна одеваться как леди, иметь при себе служанку, уметь читать и пользоваться вилок, не бегать, не кричать и не смеяться.

– Если бы ты по-настоящему любила меня, – говорит он, – то постаралась бы и отнеслась к этому серьезно. А ты воспринимаешь все как игру. Пойми: если отец не одобрит мою возлюбленную, то оставит меня без гроша в кармане. Ты этого хочешь?

– Конечно же нет, – отвечаю я, но мое сердце сжимается. Почему ему так важны эти вещи? Стены замка, слуги и золото не сравнятся со свободой. Мы могли бы владеть болотами, озерами, горами и небесами. Могли бы жить вдвоем в лесу и быть всем друг для друга. Но я понимаю, что Уильяму будет не хватать уюта и комфорта его дома, очага и постели с шелковым покрывалом. И он так счастлив, что я сейчас рядом с ним. Мне не следует быть неблагодарной.

И все же, несмотря на то что слуги покорны мне и зовут меня своей леди, я знаю: они презирают меня. Вижу, как они

смотрят на меня. А однажды я, будучи крысой, живущей в дырке возле двери кладовой, услышала, как один из поваров обсуждал меня с винных дел мастером.

– Она обычная шлюха, – сказал повар, – хоть и ходит в красивых тряпках и побрякушках.

– Говорят, она была ведьмой, – ухмыльнулся мастер. – Как иначе такая, как она, могла запустить когти в молодого господина?

– Молодому господину едва исполнилось девятнадцать. Мальчику необходимо сеять свое дикое семя, но не в отцовском же замке!

– Я слышал, он хочет жениться на ней, – заметил мастер вин.

Повар покачал головой.

– Мальчишеская блажь. Помяни мое слово, как только хозяин вернется домой, ее с пожитками сразу выставят за порог.

В ярости я оставила тело крысы и слилась с волком. Нашла в долине стадо овец и одной за другой перегрызла белые глотки. Это не принесло ни малейшего облегчения, хотя весь мой мех пропитался алой кровью невинных. А по возвращении в свое тело я поймала на себе любопытный взгляд Фионы. Служанка словно знала больше, чем собиралась сказать.

После этого я осторожничаю и странствую только по ночам. Мне тяжело. Ужасно не хватает прежней свободы. Но ради Уильяма я справлюсь с собой. Ради него я откажусь от

всего, так же как и он ради меня, попроси я его об этом. А когда месяц роз достигнет своего пика и настанет день летнего солнцестояния, наша все возрастающая радость наполнит землю розами.

Сегодня день летнего солнцестояния⁹. День, когда странствующий народ собирается на празднование зеленого месяца – не в крылатом или шерстяном обличье, а в собственных телах, темнокожих и диких, – и продает свои товары на ярмарке.

В ярмарочный день на городской площади будут фрукты, мед и ленты. Будут корзины и клетки с птицами. Будут зелья, волшебные заклинания и талисманы на привлечение истинной любви. Будут танцы на лугу, на которые придет даже деревенский люд, боясь и желая что-то купить, позавидовать, попрезирать, поглазеть на празднование странствующего народа.

Я ни разу не пропускала день ярмарки, но сегодня страшусь идти на нее. Предупреждения совы, вороны, пустельги и черного пса уступили место молчанию более зловещему, чем предостережения. Мне не объяснить им, как много для меня значит Уильям. Но Уильям хочет пойти на ярмарку. Хочет показать своей смуглянке город с его красивыми зданиями и каменными башнями. И служанка Фиона сказала ему, что нужно купить много вещей. А еще он обещал мне подарок, особый подарок с рынка.

– Но у меня уже есть драгоценности, платья, туфли, рас-

---

⁹ В XXI в. выпадает на 20 или 21 июня.

чески и книги с картинками. Что еще мне нужно?

Уильям улыбается и объясняет, что все эти вещи принадлежали его матери, а у него же мало что есть. До совершеннолетия ему назначено лишь небольшое содержание. Тем не менее он хочет купить мне подарок, чтобы показать свою любовь.

– Позже я буду состоятельным мужчиной, – говорит он. – Я куплю тебе певчую птицу в клетке из ивовых прутьев. Куплю тебе пчелиный рой в медовом улье. Куплю тебе золотое кольцо и надену его на твой палец.

Чтобы это кольцо показывало миру, что Уильям – мой, а я – его. Так-то вам, замковый повар и мастер вин! Люди говорят: *«Июньская невеста порывиста и великодушна»*. Я должна стать июньской невестой, станцевать на лугу в свадебной фате, осыпать всех лепестками роз и раздать детям свадебные пирожки. А селянки будут дивиться, почему из всех девушек Уильям выбрал дикарку.

Я беру Уильяма за руку и с улыбкой отвечаю:

– Конечно, любовь моя. – Мне хочется порадовать его, но также я хочу, чтобы *все они* увидели, как мы счастливы. Мы пойдем с ним под руку, как король и королева Зеленых Куш: я – в красном бархатном платье, а он – в небесно-голубом жакете.

Черный пес безмолвно наблюдает за мной. Пустельга молча взмывает ввысь. Уильям зовет кучера, и мы садимся в карету вместе с его слугой и, конечно же, моей служанкой Фи-

оной. По пути на рынок я напеваю про себя коротенькую песенку странствующего народа:

Спой песню звездного света,
Воронье племя чернокрылое!
Разгляди девушку смуглого цвета,
Одетую в чужое, постылое.
В зайчике шустром ее разгляди,
В рыженькой шубке лисы.
При летнем же солнцестоянии —
В пылких объятьях любви.

Город расположен в шестнадцати милях от замка: в двух часах езды быстрой рысью. День выдался теплым, и я потею в бархате платья. О, быть бы сегодня ланью на прохладных лесных опушках. Или выдрой в озере, или рыбой в реке. Но я не смею сейчас отправиться в странствия, не рядом с Уильямом и служанкой Фионой, следящей за каждым моим движением.

Я сижу, оглядывая окрестности и делая вид, что слушаю рассказы Уильяма о городе – городе, который знаю так же хорошо, как он, поскольку видела его много раз птицей, собакой и лошадью. Но я не могу признаться в этом, боясь предать свой народ. Возможно, когда мы поженимся, я все ему расскажу. Муж и жена делятся всем.

Наконец мы доезжаем до рынка, что раскинулся на мощеной площади с фонтаном, здесь сотни лавок борются за внимание покупателей. Разумеется, я сразу узнаю своих. Одна из наших продает ворон: почти всю жизнь она провела среди пернатых и теперь, если не считать проблесков седины в волосах, больше похожа на черную птицу, нежели на женщину. Другая продает талисманы и амулеты: гроздь колокольчиков, отпугивающих фей; птичью голову на ивовой ветви, исцеляющую от чумы; флакончик радужной воды, избавляющей от страданий. Еще одна, дряхлая, как сама ста-

рость, с дубовой коричневой кожей, изборожденной морщинами, точно древний боярышник – трещинами, продает нитки разноцветных бусин: бирюзовых, берилловых, аметистовых, кварцевых, жемчужных и рубиновых.

Уильям останавливается возле лавки старухи.

– Сколько они стоят?

Ее глаза блестят, как озера, и так же холодны.

– Для этой молодой леди бесплатно, – отвечает она. – Отданное в день солнцестояния, даром вернется нам сторицей. – Старуха протягивает скрюченную руку с бусами из тигрового глаза, коричнево-золотыми в солнечном свете. – Носи их, моя красавица, – шепчет она, застегивая на моей шее застёжку. – Золото твоих глаз ярче и чище того, что посулил тебе он.

Я благодарю ее, хотя она встревожила меня. Старуха полагает, что Уильям может обманывать меня? Но я знаю его лучше. Мой возлюбленный искренен со мной. Она просто хочет напугать меня, но я не стану ее слушать. Я излишне громко смеюсь, делая вид, будто рассматриваю рулоны шелка. Нитка бус на шее душит меня, и я оттягиваю ее. Снова смеюсь и беру Уильяма за руку. Я пытаюсь не обращать внимания на дикие темные глаза, глядящие на меня из каждой лавки, на дикие темные лица, на которых написано обжигающее презрение...

Мы возвращаемся в замок молча. Уильям едет на коне. Шею Фионы тоже украшают бусы, только из кварца – бело-

го, как подснежник. Уильям подарил их ей в благодарность за то, что она проделала с нами дальний путь. Меня это не беспокоит. Ее нитка бус – дешевка, столь же бесцветная, как и сама Фиона. И все же мне не нравится, с какой улыбкой служанка прижимает бусы к груди, словно вспоминая приятное прикосновение. Не нравится, как она смотрит на Уильяма из-под полуопущенных ресниц. Не нравятся ее волосы цвета примулы, напоминающие мне о деревенской девушке, которая повесила амулет на волшебное дерево.

А что, если это была Фиона? Я не видела лица девушки. Возможно, это она вышила имя Уильяма на шелковом лоскутке, просунула его в отверстие ведьминога камня и повесила на волшебное дерево. Фиона подозревает, что я украла его? Может, она потому и ненавидит меня?

Но если и так, что с того? Нас с Уильямом связала любовь. Мне ведомо его сердце, как ему – мое. Мне не нужны чары, чтобы удержать его, не нужен амулет, чтобы находиться рядом. Уильям будет верен мне. Что бы дальше ни случилось, он останется верен.

Июль

Месяц меда

*В мае пчелиному рою цена —
Душистого сена гора.
В июне пчелиному рою цена —
Ложечка из серебра.
В июле пчелиному рою цена —
От жилетки худой рукава.*

Пословица XVII в.

Мне бы заковать возлюбленного шелком – красным, как летние розы. Заковать его рунами – столь же тайными, как людские сны. Заковать его боярышником, розмарином, плющом и жимолостью, вплетя их в амулет, дабы мой возлюбленный был мне верен.

Нет, я не сомневаюсь в Уильяме. Наша с ним любовь подобна горам. Подобна бурному морю. Подобна полуночному небу. Но меня все еще тревожат слова старухи, и я тоскую по свободе. Прошлой ночью я странствовала вместе с совой. Мы охотились на мышей, шныряющих в замковом сухом рву. Я не осмеливаюсь уходить далеко, боясь быть раскрытой. Но мне так не хватает горных пиков, холодных черных вод озера, леса и островков. Я скучаю по бескрайнему небу, солнцу и рвущейся из горла утренней песне.

Уильям по-прежнему не понимает, почему я не называю своего имени.

– У тебя должно быть имя, – однажды говорит он. – У всех божьих созданий есть имена.

Но я не одно из его созданий. Мой народ древнее твоего бога. Мой народ жил здесь, когда эти горы были льдом, а долины – потоками талой воды, стекающей с ледников. Назови любую птицу, любое насекомое, любого зверя – и я скажу тебе, что была ими всеми. У меня нет собственного имени,

меня нельзя приручить и мной нельзя повелевать. Но ничего из этого я не могу сказать возлюбленному, заглядывающему в мои глаза с такой серьезностью.

– Ты зовешь меня своей красивой смуглянкой. Иного имени мне не нужно, – отвечаю я.

– Моему отцу так же звать тебя, когда он вернется с войны? И пастору на нашей свадьбе тоже говорить: «Я соединяю узами брака Уильяма Джона Мейкписа Мак-Кормака и... красивую смуглянку»?

«*Июльская невеста прекрасна, но вспыльчива*». Я не хочу быть вспыльчивой, но что ответить Уильяму на его поддразнивания и давление?

– У меня нет имени. Мой народ не нуждается в именах. Однако в этот раз Уильям не отступает.

– Тебя зовут Аманда? – спрашивает он. – Аманда – значит «любимая». Или Айлса – «благородная девушка»? Или Мораг – «принцесса»?

– А Фиона? – хитро подхватываю я. – Что значит это имя?
– «Белая леди».

Могла бы догадаться. «*Июльская невеста прекрасна, но вспыльчива*». Я отворачиваюсь, чтобы Уильям не заметил мои хмуро сведенные брови.

Он смеется и заключает меня в объятия.

– Ты же не завидуешь бедной Фионе? Разве солнце может завидовать одуванчику? Разве звезды могут завидовать светлячкам?

Я мотаю головой.

Уильям снова смеется.

– И все же я не могу жениться на безымянной девушке.

Я назову тебя Малмойра – «темная госпожа гор». Теперь у тебя есть имя, смуглянка. Теперь ты принадлежишь мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.